

ПРИНОСЯЩИЕ ЖЕРТВУ ВСЕСОВЕРШЕННУЮ

*Он испытал их как золото в горниле
и принял их как жертву всесовершенную.
Прем 3, 6.*

Древнейшие грузинские мученичества – святой царицы Шушаник (V в.) и мученика Або Тбилели (Тбилисского, VIII в.), – практически неведомые миру, являются тем не менее настоящими шедеврами мировой литературы. Они отмечены литературным мастерством и оригинальностью, тем более удивительными, что созданы, по смиренному речению автора одного из них, Иованэ Сабанидзе, «в заливе этой земли», т. е. по схожему выражению Апостола Павла, «в углу» [Деян 26, 27]

мира сего, вдали от знаменитых центров христианской культуры, созданы в первые периоды становления этой культуры на местной, грузинской почве. Глубина прозрений и сила чувств, свобода самовыражения и тонкое ощущение меры, вечная, с приходом в мир христианства, тема противостояния духовному насилию придают им непреходящую свежесть и актуальность. Не столь искусное в литературном отношении мученичество Эвстати Мцхетели (Мцхетского, VI в.) в остальном сравнимо с этими двумя шедеврами.

Эти маленькие повести, чем более всматриваешься в них, тем более раскрываются, как кладезь богословия, человекознания, литературного искусства. Словно мастерски обработанные камни, притягивают они таинственной игрой цветов и оттенков: герой в отношениях с Богом, со своей верой, с мученическим призванием, с людьми, среди которых это призвание осуществляется. И новой реальностью, неведомой ранее страстью, которую принесло в мир христианство, – любовью к Богу, жертвенной, всепоглощающей, побеждающей всякую иную привязанность и пристрастие.

По форме эти три повести настолько непохожи друг на друга, насколько вообще могут быть непохожи литературные произведения, написанные практически на одну и ту же тему – тему мученического подвига во имя истинной веры, во имя Иисуса Христа. Авторы, словно соревнуясь в изобретательности, на самом же деле движимые

каждый своим духом, создают один – исполненную трудно сдерживаемого волнения повесть, другой – размеренный рассказ, ритм которому задает включенная в него краткая библейская история спасения, третий – некий литературно-богословский синтез, в котором автор являет себя то повествователем, то толковником, то гимнографом.

При всех литературных и иных достоинствах этих произведений, главное в них все же – герои, которым они посвящены. Герои, поражающие внутренней силой, благодаря которой они не только одерживают нравственную победу над страданием и смертью, но и, как некие высшие существа, оказываются посредниками между Богом и людьми, небом и землей, миром вечным и миром преходящим. И в то же время остаются людьми из плоти и крови, с земными чувствами, человеческими связями, родственными и дружескими отношениями.

Величие героев и гений авторов взаимно дополняют друг друга. Одни приносят с собой свою героическую личность, свою трагическую судьбу и подвиг. Другие – словесный и духовный дар, отзывчивость, проникновенный взгляд. Благодаря именно такому сочетанию и возникли эти произведения, за тысячу и более лет не утратившие своей силы и неповторимости. То, что герои и авторы как будто созданы друг для друга, подчеркнуто их близостью. Пресвитер Иакоб является духовником мученицы царицы Шушаник и одновременно ее мирским «чадом», которое

находилось под ее покровительством и которое она умирая поручает покровительству епископа. Мученика Або и автора его мученичества Иованэ Сабанидзе связывают узы дружбы, проникнутые, по свидетельству Иованэ, «Христовой любовью». В мученичестве Эвстати нет прямого указания на это, но анонимный автор повести также несомненно принадлежал к кругу близких к мученику людей. Общность времени и места, продолжительное знакомство, человеческая близость необходимы для того, чтобы не просто составить внешнее описание подвига, но понять и описать внутренний мир героя веры, а также общественное значение их дела.

О таком расширенном видении стоящей перед ним задачи, о желании заглянуть в душу героической личности прямо говорит обращение автора одного из этих произведений пресвитера Иакоба к царице Шушаник:

– О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать и описать труд твой.

Сложная конструкция мученичества Або, соединяющая в одном небольшом произведении части разного жанра, также указывает на то, что автор ищет способы полнее раскрыть непростое, неоднородное содержание этого события. Также недаром, по-видимому, анонимный автор мученичества Эвстати сопрягает рассказ о своем герое с библейской историей спасения, делая его как бы частью этой истории.

Пристальному и прозорливому взгляду этих

дееписателей мученичество их героев видится не как вынужденный результат стечения обстоятельств, но как реализация их призвания, до времени сокрытого в глубинах их существа и их судьбы.

Шушаник, Эвстати и Або так свидетельствуют об этом, а их авторы фиксируют эти свидетельства:

– *А я к великой брани и готова.*

– *Господи Боже мой, Ты ведаешь, что я с усердием на смерть иду.*

– *Я не только на муку готов за любовь Христову, но и на смерть не жалею себя.*

– *Прежде тебя другие государи мучили меня весьма и били, и не покорился я им. Ныне тебе ли поверю? Да не будет этого со мной!*

– *Что за благодать быть мне здесь, где нет страха, ни смерти за Христа?*

– *Не боюсь я смерти, ибо я царствия взыскую от Христа.*

Не потому ли они внимательны к этим свидетельствам, способны увидеть подвиг как призвание, ждущее стечения обстоятельств и само становящееся одним из этих обстоятельств, что и сами носят в себе призвание жизнеописателей, жаждущее себя проявить. Особенно открыто это таимое желание дает о себе знать в нетерпении пресвитера Иакоба. Еще в самом начале, при самой завязке драмы, он обращается к своей героине с предложением, вернее, уже принятым решением описать ее будущие, еще только воз-

можные страдания. В этом обращении двойное свидетельство о заранее известном Иакобу мученическом даре Шушаник и собственном даре мартирографа, и уверенности, что оба они не отступят от своего предназначения и достойно исполнят его.

Иованэ Сабанисдзе, в отличие от Иакоба Цуртавели, не сам себя назначает описателем мученичества Або, а выполняет поручение католикоса. Однако можно думать, это поручение было не случайно выпавшим жребием, но опиралось на известные католикосу готовность и способность Иованэ.

Непосредственный призыв к Иованэ, соответствующий его внутренней готовности, сделан торжественным образом – особым посланием католикоса. Это не просто поручение, задание, это именно призвание, более того – своего рода посвящение, за которым следует еще и некий мистический акт, который Иованэ описывает, как временную потерю сознания. После чего он решается принять поручение католикоса.

Такая торжественность не кажется излишней, когда речь идет о том, чтобы достойным образом запечатлеть подвиг и совершившую его личность. Причем запечатлеть не как преходящую сенсацию, а как весть на все времена, как новую реальность, которая пребудет отныне с той Церковью, с тем миром, в котором этот подвиг совершен, как пребудут мощи Шушаник *«в защиту и святыню для всех»*, и мощи Эвстати, имеющие *«благодать*

и исцеления», как пребудет Або, которого католикос определил *«в ходатаи ко Христу для нас и для всей этой страны нашей Картли»*.

Проникая в сущность, в субстанцию подвига христианского мученика все три автора обнаруживают там верность истине, любовь к Богу и радость (или, сладость, как именует ее мученик Або).

Истина – ее поиски, ее обретение, верность ей – и становятся источником драмы, причиной конфликта с сильными мира сего, кто бы они ни были, приводящего героя к мученическому концу. Драма Шушаник начинается с известия о том, что ее муж – правитель Варскен *«отверг истинного Бога»*. Истинный Бог и есть единственный Бог. Поэтому, когда Шушаник в другом месте говорит, что Варскен *«Бога отверг»*, она опять же указывает на то, что с Богом он отверг истину.

Того же самого истинного, единственного Бога имеет в виду мученик Эвстати, когда говорит: *«Которым Богу я угожду, того желаю закона [веры, вероучения] держаться»*. Ведь до этого сначала интуитивно (*«И отец мой был волхвом [огнепоклонником], и братья мои были волхвами, и меня отец учил волхвованию. Я же отечественного закона [веры, вероучения] не любил»*), а затем и разумом он постиг, что вера его соотечественников неистинна, что огонь, которому поклоняются персы, не является Богом (*«Огонь не бог за то, что огонь человек зажигает и человек же погашает,*

ибо человек господин огня»). Бог, для ищущего Его Эвстати, тот, Кого чтут иудеи и христиане. Остается только выяснить, чье вероучение истиннее, *«святое»*, *«угоднее Богу»*, чтобы, оставив отечественную ложную веру, последовать ему. Тот же путь от неосознанного влечения к истинной вере, к ее постижению разумом и духом проходит и мученик Або.

Они ищут истину и пребывают верными ей, мало сказать, бескорыстно, они изначально становятся страдальцами за нее. На стороне ложной веры сильные мира сего – *«стоящие над нами власти этого часа»*, по слову Иованэ Сабанисдзе, а на стороне истины – гонимые христиане, которые, его же словами, *«колеблются, как тростник от ветров сильных»*. Задолго до того, как верность истине приведет Шушаник, Эвстати и Або к истязаниям и плахе, она делает их изгоями на своей родине, среди соплеменников, в собственном доме.

Истина, которой герои приносят себя в жертву, – не холодный, отвлеченный постулат, не мертвая формула, но живой Бог, источающий любовь и рождающий ответное горячее чувство. Острое переживание героями любви Божьей к себе и своей любви к Богу составляет одну из самых заметных и волнующих сторон этих мученических актов. Оно рождает исполненные поэзии слова, с которыми герои обращаются к возлюбившему их и возлюбленному ими Господу. *«Отныне уже не помажусь преходящим этим странничества моего*

маслом, но, как в „Песни Песней” мудрый Соломон научил меня, к благовонию мира Твоего побегу, Христе, Который исполнил меня непреходящим благовонием веры и любви Твоей. Знаешь Ты, Господи, что я возлюбил Тебя более себя», – изливает свои чувства знаток Священного Писания Або. Эта любовь исполнена силы, самоотверженности и нежности. «Ты знаешь, Господи мой Иисусе Христе, что я никого не предпочел Тебе: ни отца, ни мать, ни братьев, ни родственников, но Тебя Единого Господа возлюбил, и ради имени Твоего, вот, голову отсекают мне сегодня, – проще, но не менее проникновенно свидетельствует о своей любви Эвстати. – И об этом молюсь и умоляю Тебя и прошу у Тебя Благого, чтобы не оставлено было тело мое здесь в Тфилиси, но чтобы похоронено было оно в Мухете святой, где Ты явился мне». Их можно назвать не только мучениками и свидетелями истинной веры, но также мучениками и свидетелями небесной любви.

Такая любовь, такое напряженное переживание близости с Богом наполняет героев радостью, которая способна победить всякое страдание. Герои ждут воздаяния за свои страдания на небесах. «Я же, возлюбленные, – говорит мученица Шушаник, – так вот, в предуготованный тот путь отправляюсь вечный. Вместо скорби этой моей Христос дарует мне радость, вместо мучительств этих – отдохновение, биениями этими моими и волочениями и поношениями улучу я

славу и честь на небесах нескончаемую». Но Бог не только готовит для них награду в будущей жизни, после страданий и смерти, но и здесь в самих этих страданиях наполняет радостью их сердца. «И как вошел я внутрь, – рассказывает Иакоб Цуртавели о посещении им в темнице царицы Шушаник после жестокого избиения, – увидел образ ее разбитый и опухший, и возвысил я голос и плакал. Святая же Шушаник сказала мне: „Не плачь о мне, ибо началом радости стала для меня ночь эта”». – «Что за такую сладость имеешь от Христа твоего, от которой и на смерть не жалеешь самого себя?» – с удивлением спрашивает у мученика Або арабский эмир города Тбилиси. «Если желаешь узнать сладость Его, и ты уверуй во Христа и крестись в Него и тогда-то сподобишься узнать сладость Его», – отвечает ему Або.

Но как бы ни были захватывающи до самозабвения отношения между Богом и мучениками, отношения эти отнюдь не двусторонни. Во всех трех повествованиях заявляет о себе еще одна сторона. Это сторона на первый взгляд негероическая. Это те, кто *«от страха истаевают и колеблются, как тростник от ветров сильных»*, те, кто, по слову мученицы царицы Шушаник, *«сотворили нерадиво дело это мое, ибо никого не нашлось из людей, который бы имел милость и боль за меня»*. Иногда жалкие, как жалки близкие Шушаник и даже придворный епископ, пришедшие уговаривать ее вернуться к мужу-отступнику. И даже смешные в

своей слабости, как тот «*диакон некий*», который хотел призывом «*твердо стой*» укрепить в подвиге Шушаник, но побоявшись мучителя Варскена, «*только лишь сказал: „Тве...“*, и умолк же и стал *убегать поспешно*».

Их можно принять за фон, оттеняющий мужество героев и их особые отношения с Господом. Но на самом деле, они равноправные участники драмы. Авторы, собственно, сами являются этой третьей стороной, ее представителями. Третья сторона – это Церковь, народ Божий. Мученичество каждого из этих трех героев не является изолированным событием. За их страданиями стоит более общее мучительство, преследование народа за веру. Мученики – часть народа Божьего, подвергающегося гонению, тех незаметных страдальцев за истину, кто, по слову Иованэ Сабанисдзе, «*под насилием поработанные и лишениями и нищетой связанные, как железом, под данью их биемые и мучимые, весьма дорого искупаемые, от страха истаевают и колеблются*». Они не вступают в настоящий момент в открытую героическую схватку с притеснителями, «*но Христовою любовью и страхом, по обычаю отечественного хождения, терпением бед не удаляются от Единородного Сына Божия*». Однако, это тот народ, та Церковь, которая и до и после в течение 1700 лет вела духовную и физическую битву со множеством врагов ради верности Господу и ценой неисчислимых жертв, человеческих и материальных, одерживала победу. От их имени Иакоб Цуртавели протестует против неосознанной попытки Шушаник лишить их со-

участия в ее подвиге. *«Она же сказала мне: „Для меня одной беды эти“. Я же сказал ей: „Беда твоя – беда наша и радость твоя – радость наша”».*

И действительно, это они большой толпой, раздирая щеки и плача, следуют за Шушаник на пути к месту ее последнего заключения. И признавая ее святость, приходят, чтобы получить *«что кому требовалось... святою молитвою блаженной Шушаник».* Подобны им *«некие христиане»*, которые во главе с католикосом погребают мощи мученика Эвстати *«с великою славой и честью в святой церкви Мцхетской»* – в соборе Светицховели. А также то *«множество городских христиан»*, которые, отбросив *«страх сильных тех»*, сбегаются на место казни мученика Або.

Ни авторы, ни сами герои не упускают их из виду. О них, как только начинается драма Шушаник, тут же вспоминает будущий автор ее мученичества Иакоб Цуртавели. Именно для них собирается он описать труд, страдания и смерть святой Шушаник. О народе Божьем думает и заботится Эвстати Мцхетский перед казнью, когда просит у Господа, чтобы его мощи имели дар исцелений, как мощи древних мучеников. И получает от Него подтверждение своего желания. Служение Богу и служение народу Божьему, Церкви как двуединая цель мученического подвига выступает в словах святого Або: *«И опять в день этот пятницы страстью Своей Господь мой Иисус Христос, на кресте распростерев руки Свои, предал поношению*

и сделал посмешищем для всех концов земли врага того всего мира. Ныне и мне предлежит выйти на борьбу с врагом тем христиан и за Христа пролитием крови моей сделать его посмеянием и поруганием для всех христиан». Ту же цель в своем письме-поручении к Иованэ Сабанисдзе указывает католикос Самоэл, говоря, что Або «мученичествовал в ходатаи ко Христу для нас и для всей этой страны нашей Картли».

Мученики удостоиваются за свой подвиг великой награды – Царства Божья и славы на небесах. Но и на их братьев и сестер в силу духовного родства и принадлежности к той же Церкви, как на соучастников подвига, также изливается множество даров.

«Ради тебя, святой мученик, – восторженно перечисляет эти дары Иованэ Сабанисдзе, – любовь та Христова к нам и вера наша в Него опять обновилась... Ныне же тобою приблизился к нам Христос, и мы уразумели опять страх Его и любовь Его, и благодати Его сподобились, и любви Его, и милости день за днем многих знамений и исцелений среди нас явлением».

Шушаник, Эвстати и Або призываются на страдания и смерть не только для собственного испытания и прославления, но и для воодушевления, укрепления, утешения и приобщения к любви Божьей гонимых христиан. Для того, чтобы пожертвовав собой, навсегда остаться не только в памяти, но и в историческом бытии народа, в

качестве святыни и ходатая ко Христу. Милостью и промыслом Божиим они удостоились еще и той награды, что память о них запечатлена в великих литературных творениях, которые неразрывно связаны с именами этих мучеников и сами являются национальной святыней.

Предисловие к книге: *«Мученичества Шушаник, Эвтати, Або»*. М., *Criterion*, 2012.

